

За марксистское толкование категорий производительного и непроизводительного труда¹

Тов. Вайсберг в № 8 „Планового Хозяйства“ с чрезвычайной страстностью выступил в защиту своей точки зрения на производительный и непроизводительный труд. В сущности, дискуссию можно было бы считать законченной, поскольку в моей статье, помещенной в том же номере „Планового Хозяйства“ были приведены важнейшие определения производительного труда, данные Марксом, определения, которые вряд ли могут вызвать какие-либо двойственные толкования. Однако, в последней статье тов. Вайсберг, с чрезвычайной уверенностью отстаивая свои некоторые явно ошибочные положения, внес столько неясностей и противоречий во всю проблему в целом, что становится абсолютно необходимым, хотя бы вкратце, остановиться еще раз на основных спорных вопросах, связанных с характеристикой производительного и непроизводительного труда.

Перед нами стоит вполне конкретная задача, имеющая, если можно так выразиться, практическое значение с точки зрения планового хозяйства: нам нужно установить, какие категории труда в Советском Союзе относятся к области производства и какие категории выходят за пределы этой области, т.е. связаны уже с распределением, обменом и потреблением, следовательно, нам нужно установить более или менее точные границы общественного производства в СССР. Именно в такой конкретной, не складатической постановке следует обсудить этот вопрос на страницах „Планового Хозяйства“, руководящего органа в области планирования и регулирования хозяйства.

Задача теперь еще более суживается, если принять во внимание, что в основном есть только два спорных вопроса:

1) Отнести ли те десятки тысяч работников, которые заняты умственным трудом, сущность которого в значительной мере заключается в подготовке квалифицированной рабочей силы в промышленности и в сельском хозяйстве, в поднятии культурного уровня трудящихся, — отнести ли этот труд к области производства или вне ее.

2) Отнести ли труд, занятый хранением наших товарных запасов, к области производства независимо от того, находится ли склад

при самом заводе, или в ведении торгующих организаций, или же отнести к производству лишь труд по сохранению заводских запасов.

Но на оба эти вопроса, которые, как мы видим, связаны с установлением границ нашего производства, следовательно, имеют немалое значение в теории нашего хозяйства, тов. Вайсберг дает явно неудовлетворительный ответ.

Тов. Вайсберг, совершенно правильно считая, что материальный продукт общества создается в области материального производства, делает, однако, ошибку, когда ограничивает только этой областью все общественное производство вообще. Умственный труд он выносит за пределы производства. „Особо стоит, — пишет он, — вопрос о той умственной рабочей силе, которая создает услуги по удовлетворению так называемых духовных потребностей. Мы видим, что эту категорию труда, поскольку она стоит вне сферы производства, Маркс относит к числу непроизводительных“ („План. Хоз.“, № 6 за 1927 г., стр. 147). „Объявление услуг по воспроизводству квалифицированной рабочей силы трудом производительным не может иметь достаточного обоснования“ (там же, стр. 148).

Правда, тов. Вайсберг, приписывая Марксу такую точку зрения, во всех своих трех статьях, как мы увидим ниже, не мог привести ни одного места из Маркса, которое подтвердило бы правильность ссылки на него. Тов. Вайсберг указывает исключительно на те места, где Маркс говорит о непроизводительности „услуг“ чиновников, воров, попов, клятвопреступников, Юлия Цезаря и т. д., считая этим самым, несомненно, доказанным, что всякий умственный труд, в том числе и труд по воспроизводству квалифицированной рабочей силы, относится за пределы производства, следовательно, относится к области распределения, обмена, потребления.

Такое толкование производства основано на том ошибочном представлении, будто бы потребительный фонд общества создается исключительно в материальном производстве. На самом же деле, помимо материального производства, удовлетворяющего потребности общества в пище, одежде и т. д., существуют еще отрасли нематериального производства, сущность которых заключается, во-первых, в производстве квалифицированной рабочей силы, которая при капиталистическом обществе также является товаром, и, во-вторых, в производстве того потребительного фонда общества, который удовлетворяет его культурные, умственные потребности в производстве продуктов умственного труда.

И Маркс и Энгельс придерживались именно такого подразделения общественного производства. Еще в „Коммунистическом манифесте“ Маркс и Энгельс писали насчет образования и умственного труда следующее: „Все возражения (буржуазии. А. А.) против коммунистического способа производства и присвоения материальных продуктов распространялись также на производство и присво-

¹ В порядке обсуждения. Ред.

ение продуктов умственного труда... Образование, гибель которого она (буржуазия) оплакивает, для огромного большинства является не более, как преобразованием в машину" („Коммунистический манифест", изд. 3, стр. 83). К этому месту из „Коммунистического манифеста" тов. Д. Рязанов делает обстоятельное примечание, озаглавленное: „Материальное и умственное производство".

Такого же подразделения производства придерживался и Ф. Энгельс. „Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, — пишет он в „Анти-Дюринге", — прежде всего, необходимо рассматривать это последнее не как общую категорию, а в его определенной исторической форме. Так, например, капитализму соответствует другая форма духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство берется не в его специфической исторической форме, то нет возможности понять и специфические черты соответствующего ему духовного производства, а также их взаимоотношение" (цитировано по „Комм. маниф.", Примечания, стр. 177, 178).

В одном месте Маркс дает очень подробную характеристику нематериального производства. „В нематериальном производстве, — даже если оно ведется исключительно для обмена, следовательно, производит товары, — возможны два случая"; в первом случае Маркс рассматривает труд, производящий вещи, напр., статуи, картины и т. д. Во втором случае „производство неотделимо от производственного акта, как это имеет место у всех художников-исполнителей, у актеров, учителей, врачей, попов и т. д. Капиталистический способ производства и здесь находит применение только в небольшом объеме и по самой природе вещей может применяться только в некоторых сферах. Например, учителя могут быть в учебных заведениях простыми наемными рабочими для предпринимателя заведения; подобного рода образовательные фабрики и существуют в Англии" („Теории", т. I, стр. 277).

Мы видим, что утверждения тов. Вайсберга о том, что Маркс отнес умственный труд за пределы производства, не соответствует действительности. И Маркс и Энгельс различают производство материальное и нематериальное, к которому они относят и умственный труд. Маркс, например, говорит об образовательных фабриках, существующих в Англии. Он говорит о том, что капиталистический способ производства проникает также в эти отрасли нематериального производства, правда, в очень незначительных размерах, поскольку до сих пор большинство лиц умственного труда занимается или частной практикой или находится на общественной и государственной службе.

Основная методологическая ошибка тов. Вайсберга, из которой вытекает целый ряд второстепенных ошибок, заключается в том, что он сузил границы общественного производства, сводя последнее только к производству материальных вещей.

Почему же Маркс и Энгельс отнесли умственный труд к области производства, по какому признаку вообще можно установить, относится ли данная категория труда к области производства, или лежит вне ее?

Характерным признаком для капиталистического производства, для труда, занятого в этом производстве, является создание стоимости, капитала. Но этим определением мы, однако, еще не даем окончательной, исчерпывающей характеристики труда, занятого в капиталистическом производстве, ибо возникает вопрос, какой же именно труд создает стоимость. По Марксу только тот труд создает стоимость и капитал, который в то же время имеет прямое отношение к созданию потребительной стоимости. Нет стоимости, без потребительной стоимости. Первая может существовать лишь при наличии второй, стоимость является лишь специфической товарно-капиталистической формой производства потребительных стоимостей, составляющих действительную основу человеческого существования во все времена. „Процесс труда, как мы изобразили его в простых абстрактных формах, есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей" („Капитал", I, стр. 125). Транспорт, напр., относится к производству потому, что продукт, перевезенный, напр., из Африки, где он не может быть потреблен, в Европу, тем самым, в сущности, меняет свою потребительную стоимость. Здесь, по словам Маркса, „изменяется его (товара) пространственное бытие и тем самым вызывается изменение его потребительной ценности, так как изменяется пространственное бытие этой потребительной ценности. Его меновая ценность возрастает в размере количества труда, нужного на это изменение его потребительной ценности" („Теории", I, стр. 278). Хранением запасов хотя и не создается новая потребительная стоимость, но сохраняется прежняя; благодаря хранению естественная порча продукта имеет определенный предел, продукт, подвергнувшийся хранению, имеет большую потребительную стоимость, чем продукт, оставленный без хранения. Поскольку запасы необходимы для нормального процесса производства и поскольку продукты подвержены естественной порче, складское хозяйство, а также упаковку и сортировку товара Маркс относит вместе с транспортом к дополнительным процессам производства. На этом вопросе мы остановимся еще отдельно, поскольку здесь опять-таки тов. Вайсберг делает большую ошибку, считая производительным лишь труд по сохранению заводских запасов.

Итак, потребительные стоимости создаются только в производстве, только в производстве создаются и стоимости, капитал, производительным является лишь труд, занятый в области производства. Чтобы понять, почему Маркс отнес умственный труд к области производства, а не к области распределения и обмена, куда он относит труд торговых работников, нужно уяснить, что же этот труд

производит, какое отношение он имеет к созданию потребительных стоимостей. Маркс неоднократно заявляет о том, что потребительную стоимость может иметь не только вещь, которую можно понюхать, ощупать, с'есть и т. д. «Если, таким образом, простой обмен денег на труд еще не делает труда производительным или, что то же, не превращает денег в капитал, то, с другой стороны, и содержание труда (курсив Маркса) — конкретный характер, особая полезность его, — само по себе не имеет тут значения...¹ Известного рода услуги или потребительные ценности результаты известных видов деятельности или труда воплощаются в товарах, другие же, напротив, не оставляют осязательных, отдельных от их исполнителей результатов...² Так, например, услуга, оказываемая мне певцом, удовлетворяет мою эстетическую потребность; но предмет моего наслаждения существует в виде неотделимой от личности певца деятельности, и как только прекращается работа этого последнего, т. е. пение, прекращается и мое наслаждение, я наслаждаюсь самой деятельностью — ее отражением в моих ушах» («Теории», I, стр. 275).

Здесь Маркс со свойственной ему ясностью, недопускающей никаких двусмысленных толкований, говорит о том, что содержание труда не имеет значения для характеристики производительного труда и тут же добавляет, что потребительные ценности могут воплощаться в товарах, но могут и не оставлять осязательных результатов, и что такой характер потребительных стоимостей не имеет никакого отношения к общей характеристике труда, занятого в их производстве.

Здесь мы вплотную подходим к решению проблемы производительного и непроизводительного труда. Труд, создающий потребительную стоимость, относится к производству, и если он при этом является общественно-необходимым и организован в капиталистическом предприятии, он не может не создавать стоимости и капитала.¹

В этом заключается разгадка того обстоятельства, что Маркс в десятках мест называет труд учителя, художника и т. д., если он организован в капиталистическом предприятии, производительным, и ни в одном месте он не называет его в этом случае непроизводительным. В отношении же приказчиков, коммивояжеров, бухгалтеров и др., занятых в обращении, мы наблюдаем совершенно обратную картину: Маркс в десятках мест называет их труд непроизводительным и ни в одном месте не относит его к категории производительного труда. Тов. Вайсберг этого не может

¹ Мы видим, что спорные вопросы в проблеме производительного и непроизводительного труда переносятся в совсем другой отдел политической экономии и сводятся к определению понятия потребительской стоимости. Если результат труда, представляющийся в виде определенной вещи, не может быть потребительной стоимостью, то, конечно, были бы правы те, кто считает производительным лишь труд, создающий материальные предметы.

понять. «При горячей любви Аболина к учителю непонятна его немилость к бухгалтеру», — пишет он. Однако, эту «немилость» к бухгалтеру проявляет и Маркс: «Производство и ведение книг относительно производства остаются такими же различными вещами, как погрузка кораблей и составление квитанции на груз. В лице бухгалтера часть рабочей силы общины отвлечена из производства» («Капитал», II, стр. 107, примеч.). Дело здесь, конечно, не в самой профессии бухгалтера, а в том, какое отношение его труд имеет к производству. Это отношение умственного труда, занятого, напр., воспроизводством квалифицированной рабочей силы, совершенно иное, ибо эти виды труда заняты в нематериальном производстве. Так, напр., Маркс заканчивает «Приложения» к своим запискам о производительном и непроизводительном труде, в которых он называет труд в области нематериального производства производительным, следующими словами: «Здесь мы имеем дело пока только с производительным капиталом, т. е. с капиталом, непосредственно занятым в процессе производства. Затем мы перейдем к капиталу в процессе обращения и только потом, при рассмотрении особенной формы, которую он принимает, как торговый капитал, возможно будет ответить на вопрос, насколько занятые им рабочие производительны или непроизводительны» («Теории», I, стр. 278). Этот труд, выходящий уже за пределы производства, Маркс рассматривает во II и III томе «Капитала». Он, следовательно, при характеристике производительного труда сделал принципиальное разграничение между умственным трудом, занятым в нематериальном производстве, и трудом, занятым в обращении.

Тов. Вайсберг все же упорно продолжает утверждать, что Маркс называл труд по воспроизводству квалифицированной рабочей силы производительным, якобы, лишь потому, что он создает прибыль для отдельного капиталиста и что, дескать, с таким же успехом могут быть тогда названы производительными работниками поджигатели домов, доставляющие прибыль самому организатору, или приказчики, приносящие прибыль купцу. Мы позволим себе усомниться в таком объяснении вопроса, хотя тов. Вайсберг считает его единственно ортодоксальным и всякие возражения против такого объяснения относит к козням буржуазных экономистов.

Ведь Маркс не только не отнес поджигателя домов наравне с услугами к производительным рабочим, но он даже нигде торговых служащих не называл производительными. Если он в одном месте, на котором тов. Вайсберг построил всю свою теорию, говорит о «производительности» «услуг» убийцы, грабителя, клятвопреступника, то только в кавычках, с иронией, высмеивая вулгарных экономистов. Такое различное отношение Маркса к различным «услугам» тов. Вайсберг может объяснить лишь случайностью, потому что он ошибочно сваливает в одну кучу умственный труд, труд по сохранению торговых запасов, труд торговых служащих, поджигателей

домов и т. д. У тов. Вайсберга есть, правда, большие способности к быстрым обобщениям, но это, как мы видим, не всегда полезно.

Маркс дал определение производительного труда не с точки зрения индивидуального капиталиста, а капитала в целом, и называя умственный труд производительным, он исходит из того, что этот труд создает стоимость и капитал. „Певца, продающая свое пение на свой собственный риск,—непроизводительный работник. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который заставляет ее петь для того, чтобы выручить деньги — производительный работник, так как она производит капитал“ („Теории“, I, стр. 273). Труд же приказчика не создает ни стоимости, ни капитала.¹

* * *

Тов. Вайсберг в своих первых статьях писал, что Маркс относит умственную рабочую силу „вне сферы производства“ и потому называет ее непроизводительной. Когда я выразил в этом сомнение и попросил тов. Вайсберга доказать это не своими словами, а словами Маркса, он в последней статье чрезвычайно удивился требованию доказывать очевидные истины и ввел, раз уже его „заставляют“, целую главу „О цитатах“, в которой он, действительно, приводит целых шесть цитат, якобы, с совершеннейшей очевидностью указывающих то, что через силу хочет доказать тов. Вайсберг. Однако, читатель должен будет разочароваться, когда увидит, что одна из этих цитат говорит о Юлии Цезаре и Аристотеле, другая — о „непроизводительных экономистах, которые ничего не совершают в своей собственной специальности“, третья — о „клятвопреступниках, ворах, убийцах, сифофантах“, доносчиков и т. д., четвертая — о гомеровской Илиаде. При этом каждая цитата сопровождается торжественными восклицаниями, дескать, вы хотели цитат, так, пожалуйста, получите сколько угодно. На этих явно несерьезных вещах я не буду останавливаться, а коснусь лишь двух остальных цитат, одна из которых „скомбинирована“ тов. Вайсбергом так, что абсолютно необходимо всем показать, как иногда в серьезной теоретической статье

¹ Это положение может быть непонятным лишь для тех, кто представляет стоимость и капитал в виде определенной вещи. На самом же деле стоимость есть лишь то общественное отношение товарно-капиталистического общества, которое придает результату труда способность обмениваться на другие результаты труда, благодаря которому труд, как универсальный измеритель, приобретает всеобщее, общественное значение, а результат труда — общественный характер. В марксовом примере певица создает стоимость и капитал потому, что результат ее труда, хотя он и не является вещью, все же выступает как определенный эквивалент против уплачиваемых за пение денег, которые тоже являются результатом определенного труда, т. е. труд певицы приобретает общественный характер. Труд же приказчика, продающего товар, ничего не создает, ибо товар, проинюстицированный деньгами как эквивалент, создан не приказчиком, а рабочим соответствующей отрасли промышленности.

² „План. Хоз.“, № 8, стр. 177—179.

люди могут пользоваться цитатами. „Может быть,—пишет тов. Вайсберг,—с точки зрения не капиталиста, а общественного производства, услуги производительны потому, что они косвенно участвуют в производстве. И на этот вопрос Маркс дает совершенно недвусмысленный ответ: „Этот косвенно участвующий в производстве труд (он представляет собою только часть непроизводительного труда) мы и называем непроизводительным трудом. Иначе пришлось бы сказать, что, так как правительство абсолютно не может существовать без крестьянина, то крестьянин — косвенный производитель судопроизводства и т. д. Пустяки“.

В самом деле, возражать нечего, Маркс прямо как будто говорит, что все услуги только косвенно влияют на производство и что, само собой разумеется, они непроизводительны. Значит, прав Вайсберг, утверждая, что Маркс труд по воспроизводству квалифицированной рабочей силы отнес за пределы производства. Но посмотрите, какая „замечательная“ комбинация здесь проделана. На стр. 260, I тома „Теорий“, откуда взята эта цитата, Маркс пишет: „...Поэтому правительство непроизводительно у А. Смита. „Но если производство почти невозможно (без труда правительства), то ведь ясно, что этот труд содействует производству, если не прямо и материально, то косвенным содействием, которым нельзя пренебрегать“ (Смит, I, стр. 276). Этот косвенно участвующий в производстве труд“ и т. д., —идет приведенная Вайсбергом цитата. Здесь, как видим, Маркс, в согласии со Смитом, полемизирует против тех, кто считает труд правительства производительным, якобы, за его косвенное участие в производстве. Но смотрите, какую „изящную“ комбинацию сделал тов. Вайсберг. Он начинает предложение своими словами о косвенном влиянии всех услуг на производство и продолжает его цитатой Маркса о непроизводительности „этого косвенно участвующего в производстве труда“, выкидывая те места, которые показывают, что Маркс то говорит о труде правительственных чиновников. Если тов. Вайсберг считает, что его точка зрения безапелляционно ортодоксальна и что всякие возражения против него исходят от „буржуазных экономистов“, к лагерю которых он неоднократно причисляет и меня, то такие „комбинационные“ методы доказательств, по крайней мере, вызывают некоторые сомнения относительно его ортодоксальности. Этот явно недопустимый в научной полемике прием может, с точки зрения тов. Вайсберга, найти лишь то оправдание, что он, действительно, не видит принципиальной разницы между трудом правительственных чиновников и трудом, занятым в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы, вследствие чего он и счел возможной такую „комбинацию“.

Толкование последней, шестой цитаты не менее курьезно. Маркс пишет: „Стало быть, производительным трудом будет такой труд, который или производит товар или непосредственно создает, развивает, поддерживает,

воспроизводит рабочую силу. Этот последний вид исключается Смитом из установленной им рубрики производительного труда; он делает это произвольно, но все-таки руководится некоторым верным инстинктом, подсказывающим ему, что если он включит сюда и этот труд, то тем самым настежь откроет двери для ложных представлений о производительном труде" ("Теории", I, стр. 180).

Это — единственная, приведенная тов. Вайсбергом цитата, где, действительно, говорится по существу спорного вопроса. Но здесь как раз черным по белому написано, что производитель также труд, который поддерживает, развивает, воспроизводит рабочую силу и что Смит произвольно отнес его к непроизводительному. Но тов. Вайсберг торжествующе делает такой вывод: "Если услуги, как полагает Аболин, производительны и создают ценности, то чем же объяснить уничтожающе отрицательное отношение Маркса к предшественникам Аболина в лице буржуазных экономистов" ("План. Хоз.", № 8, стр. 178).

Вывод, как видим, сопровождается очередной злобной руганью по моему адресу, тов. Вайсберг очень почему-то в этом месте нервничает, сердится. Тов. Вайсберг хочет показать (вряд ли он сам этому серьезно верит), что если в конце цитаты Маркс говорит о некотором верном инстинкте Смита, то этим самым он отказался от всех своих слов в начале цитаты, где прямо сказано, что услуги производительны и что Смит ошибочно их относит к непроизводительному труду. Каждый, прочитавший не только эти строчки, но и немножко дальше увидит, что вульгарные экономисты, вроде "Росси, считали производительным всякий труд, в том числе попов, чиновников и т. д., следовательно, Смит, исключив весь нематериальный труд вообще, руководствовался "некоторым верным инстинктом", желая "закрыть двери" для ложных представлений об этих бездельниках. Но при всем этом верном инстинкте, которым руководствовался Смит, он все же произвольно выкинул из числа производительного труда труд, занятый в нематериальном производстве, вследствие чего у него получилось "шотландское" вещественное понимание производительного труда. "В своем втором определении производительного труда Смит вполне возвращается — в более широкой форме — к различению, установленному монетарной системой... Смит устанавливает такое же различие между товарами и услугами, какое монетарная система делала между золотом и серебром, с одной стороны, и другими товарами — с другой" ("Теории", I, стр. 183). "Здесь у него, значит, проглядывает воззрение монетарной системы" (там же). Монетарная система ошибочно ввела принципиальное различие между золотом и другими товарами, Смит при характеристике производительного труда подобным же образом ошибочно вводит принципиальное различие между товарами и услугами.

Итак, какой же в итоге получился "баланс" за и против производительности услуг. С одной стороны, прямые, недвусмысленные указания Маркса на счет существования отраслей нематериального производства и на счет того, что труд, занятый в этих отраслях, — производитель. С другой стороны, надерганные, "скомбинированные", не относящиеся к делу цитаты тов. Вайсберга, ни одна из которых не доказывает, что Маркс когда-либо ограничивал общественное производство исключительно лишь производством материального продукта. Вывод из анализа этого "баланса" может быть только один.

* * *

Из изложенных выше обстоятельств становится вполне понятным, почему Маркс в десятках мест дает определение производительного труда, как труда, создающего прибавочную стоимость капитал, и ни в одном месте не ограничивает его исключительно производством материального продукта.

Однако, в нематериальном производстве применение капиталистического способа производства, как говорит Маркс, "по самой природе вещей" ограничено лишь некоторыми сферами, поскольку лица, занятые в нематериальном производстве, находятся или на положении мелких товаропроизводителей или же состоят на общественной и государственной службе. Правда, в Англии существуют и образовательные "фабрики", но это лишь исключение. Совсем другое положение мы имеем в материальном производстве, здесь капиталистический способ производства проникает все глубже и глубже, захватывая постепенно все отрасли этого производства, вытесняя прежние, докапиталистические формы производства. Поэтому если взять в целом все капиталистическое производство, то размеры производительного капитала, занятого в отраслях нематериального производства, окажутся чрезвычайно незначительными по сравнению с общими размерами производительного капитала, так что при анализе капиталистического производства, в целом, отраслями нематериального производства можно пренебречь. Точно также можно пренебречь трудом крестьянина, который также с точки зрения капитала не относится к числу производительных работников. Поэтому можно сказать, что побочной чертой производительного труда с точки зрения капитала становится труд, производящий, главным образом, материальный продукт. "И, таким образом, производительный труд рядом со своей главной характерной чертой, не имеющей никакого отношения к содержанию труда и совершенно не зависящей от этого содержания, приобретает отличную от первой побочную характерную черту" ("Теории", I, стр. 277).

Цитату Маркса, где выражена эта мысль, тов. Вайсберг "истолковывает" таким образом, что Маркс, якобы, считает труд, не создающий материального продукта, вообще непроизводительным, вы-

ходящим за пределы производства. Но ведь для всякого грамотного человека ясно, что нематериальный труд с точки зрения Маркса не потому имеет мало значения, что он, якобы, выходит за пределы производства, — не создает капитала, — об этом Маркс нигде не говорит, и это говорит лишь тов. Вайсберг, — а потому, что „все эти проявления капиталистического производства в этой области так незначительны по сравнению со всей совокупностью производства, что могут быть оставлены совершенно без внимания“ (Маркс, „Теории“, I, стр. 277).

* * *

Это обстоятельство имеет решающее значение для характеристики умственного труда в СССР. Если Маркс считает, что этот труд при капитализме, с точки зрения капитала имеет небольшое значение лишь потому, что капиталистическая эксплуатация этого труда имеет незначительные размеры по сравнению с общим количеством эксплуатируемого труда потому лишь, что капиталистические „фабрики образования“ являются исключением, то это обстоятельство в советском хозяйстве отпадает. Для нас лишь важно то, что Маркс умственный труд о котором идет речь, т.е. главным образом, труд, развивающий, воспроизводящий рабочую силу, относит к области производства, поскольку он также производит определенный товар — квалифицированную рабочую силу, следовательно, в нашем хозяйстве выкинуть его за пределы этой области, т.е. относить его к распределению, обмену, потреблению нет абсолютно никаких оснований. Наоборот, умственный труд, „услуги“ в СССР имеют несравненно большее значение в нашем производстве, чем это имело место при капитализме. Увеличение труда, занятого обучением рабочей силы, повышением культурного уровня трудящихся есть увеличение нематериального производства, т.е. увеличение размеров нашего общественного производства в целом, оно означает увеличение производительных сил нашей страны, поскольку рабочая сила является одним из элементов производительных сил и поскольку проблема поднятия культурного уровня масс есть одна из основных проблем развития индустриализации нашей страны. Следовательно, увеличение отраслей нематериального производства означает улучшение качества рабочей силы в СССР, и таким образом, эти отрасли производства являются факторами развития производительных сил. Увеличение же числа бухгалтеров, приказчиков, государственных служащих (административных) и т. д. может явиться лишь следствием, но отнюдь не одной из непосредственных причин, отнюдь не одним из самостоятельных факторов увеличения производительных сил, поскольку этот труд связан с распределением и обменом, т.е. выходит за пределы производства. Теперь, может быть, тов. Вайсберг поймет, в чем заключается принципиальное с точки зрения произ-

водства различие между двумя этими видами труда и не будет недоумевать по поводу моей „немилости“ к бухгалтеру и „горячей любви“ к учителю.

„Царство необходимости“ при капитализме выражалось, между прочим, в том, что огромное большинство населения находилось под гнетом условий своего существования, должно было бороться за насущный кусок хлеба. Развитие техники в „царстве свободы“ облегчит обществу эту борьбу и даст немислимую ранее возможность культурного, умственного, „духовного“ развития общества. Это значит, что „производство и присвоение продуктов умственного труда“ в организованном обществе, о котором говорится в „Коммунистическом манифесте“, увеличится в огромной степени по сравнению с капитализмом. Но это вовсе не значит, что у нас, по мере приближения к организованному обществу, будет возрастать непроизводительный труд, ибо этот труд относится к области общественного производства. Это, однако, не противоречит той истине, что основой развития всякого общества было и будет материальное производство и что последнее определяет собою духовную культуру общества. Понятие производительного труда объединяет весь труд, занятый в общественном производстве, но этот последний не представляет собою единой, сплошной массы, и отдельные категории труда, занятого в разных отраслях материального и нематериального производства, имеют различное значение как в самом процессе производства, так и в жизни всего общества.

Напрасно тов. Вайсберг считает, что своей постановкой вопроса он дает материалистическое, как он выражается, толкование производительного труда. Огромной ошибкой было бы думать, что труд, занятый воспроизводством квалифицированной рабочей силы, например, учителя, не относится к миру материальных явлений потому, что он не создает материального продукта, вещи. Такое представление противоречило бы азбуке марксизма. Ограничивая общественное производство лишь производством вещей, тов. Вайсберг, в сущности, дает не материалистическое, а натуралистическое, вещественное толкование производительного труда.

* * *

Остановимся теперь вкратце на втором спорном вопросе. Тов. Вайсберг считает, что только труд по сохранению заводских запасов относится к производству, труд же, занятый сохранением торговых запасов, с его точки зрения относится к издержкам не увеличивающим стоимость товара. „Дело в том, что они (издержки, хранения торговых запасов) выходят за пределы производственного процесса в собственном смысле этого слова, ибо они вынуждены, обусловлены и порождены специфическими свойствами обмена“. „Одно дело склад на заводе, если этот склад

связан исключительно с производством, другое дело — склад торговой фирмы, хранящей исключительно торговые запасы¹.

Ошибка тов. Вайсберга заключается в том, что он считает, будто торговые запасы, как запасы, порождены исключительно обменом и что поэтому издержки на их хранение относятся к издержкам обращения. В действительности же, значительная часть этих запасов является лишь товарной формой запаса, необходимого для процесса производства и потребления, но если бы эти запасы не хранились бы на складе купца, то они должны были бы храниться на складе фабриканта. «Фабрикант может, смотря по потребности, небольшими частями возобновлять свой запас хлопка, но за то тем большая масса этого самого хлопка будет находиться в виде товарного запаса в руках ливерпульских торговцев. Следовательно, здесь происходит только изменение формы запаса, что упускают из виду Лалор и другие» («Капитал», II, стр. 116).

Хранение товара, а именно, складское хозяйство и связанное с ним упаковку и сортировку товара, Маркс вместе с транспортом отнес к дополнительным процессам производства независимо от того, где эти процессы совершаются — на заводе или в обращении. «Итак, товарно-торговый капитал, — если отбросить все гетерогенные функции, которые могут быть с ним связаны, как хранение товаров, отправка их, перевозка, разделение, разборка, и ограничить его истинной функцией купли ради продажи, — не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости» («Капитал», III, ч. 1, стр. 215). «Подобно тому, как, напр., действительная транспортная промышленность и отправка фактически могут представлять и представляют отрасли промышленности, совершенно отличные от торговли, точно так же и товары, которым предстоит быть купленными, могут лежать в доках и других общественных помещениях, при чем вытекающие из этого издержки, поскольку купцу приходится их авансировать, начисляются на него третьими лицами» (там же, стр. 221).

Мы видим, что издержки по хранению товаров Маркс исключил из издержек обращения. Никакого отношения к производству не имеют лишь те запасы, которые порождены специфической товарной формой производства и обусловлены задержкой в обращении, кризисами, спекуляцией и т. д., и труд, занятый их хранением, Маркс относит за пределы производства. «Поскольку издержки обращения, обусловленные образованием товарного запаса, вытекают лишь из продолжительности периода, в течение которого уже существующие стоимости превращаются из товарной формы в денежную форму, следовательно, поскольку издержки обращения вытекают из определенной общественной формы производственного процесса, постольку они по своему характеру совпадают с издержками обращения, перечисленными под I» (т.-е. деньги, ведение книг. «Капитал», II,

стр. 112). Эти расходы тов. Вайсберг ошибочно отождествляет с расходами по хранению торговых запасов вообще, относя их к издержкам обращения. Тем не менее, тов. Вайсберг считает свою точку зрения и в этом вопросе абсолютно непогрешимой и все мои возражения относит опять-таки к козням буржуазных экономистов.¹

* * *

В заключение я хочу вкратце остановиться на тех приемах полемки, которыми пользуется тов. Вайсберг. Можно сказать, что половина его последней статьи посвящена прямой ругани, прямым отождествлениям моих взглядов со взглядами буржуазных экономистов и т. д. Для этой цели тов. Вайсберг совершенно не стесняется в средствах. Так, например, он заявляет, что: «Если продолжать абстрактно, без всяких ограничений, положение о том, что всякий капиталистически-организованный труд является производительным, если не делать при этом никаких оговорок (как поступают Аболин, Базаров, и др.), то следует, конечно, труд учителя признать производительным». Неужели тов. Вайсберг думал, что будет прочитана только его статья, а мою статью, печатаемую в том же номере журнала, никто не посмотрит, чтобы убедиться в самом ли деле я признаю всякий капиталистически организованный труд производительным? В другом месте тов. Вайсберг, цитируя мои слова: «Вайсберг в десятках мест заявляет, что с общественной точки зрения труд в области материального производства несравненно важнее труда, удовлетворяющего «духовные» потребности, поскольку материальная культура определяет «духовную», — вдруг заявляет, что я выступаю против этой азбучной истины, тогда как я лишь говорил, что такими истинами еще нельзя считать доказанным ограничение

¹ Издержки по хранению товарного запаса можно было бы отнести за пределы производства лишь в двух случаях:

1) Если бы порча товара при его хранении обуславливалась самой общественной формой запаса. Поскольку же порча товара является естественным свойством самого товара, а необходимость запасов, в свою очередь, является естественным, техническим условием производства, постольку труд, затраченный на то, чтобы предотвратить порчу продукта, представляет собою не что иное, как один из способов борьбы человека с природой, один из моментов общественного процесса производства.

2) Если бы товарные запасы, как запасы, были порождены исключительно товарной формой производства, т.-е. эти запасы целиком исчезали бы при переходе к иному способу производства. Допуская это, тов. Вайсберг впадал в довольно элементарную ошибку, которую совершил А. Смит и которая была разъяснена еще Марксом. «А. Смит стоял на той неосновательной точке зрения, будто образование запаса представляет явление, характерное для капиталистического производства... А. Смит воображает, что образование запаса вытекает лишь из превращения продукта в товар и потребительного запаса в товарный запас» («Капитал», II, стр. 87). Что же касается марксова деления запасов на «нормальные» и «ненормальные», то впервые в марксистской литературе встречается мнение, будто бы «нормальные» запасы — это заводские запасы, а «ненормальные» — все остальные. Тов. Вайсберг здесь, действительно, сказал «новое слово».

производительного труда только областью материального производства. Таких приемов, настолько же бессодержательных, насколько и неприемлемых для нашей коммунистической среды, можно было бы привести целый ряд.

Я отнюдь не склонен приписывать тов. Вайсбергу взглядов буржуазных экономистов, несмотря на то, что самым обычным и распространенным определением производительного труда в буржуазной экономической науке является определение его как труда, создающего материальные богатства. Маркс, например, упрекает Смита за то, что он, в конце концов, взял „за исходный пункт то одностороннее, традиционное представление, по которому производительным вообще является труд, непосредственно создающий материальное богатство“ („Теории“, I, стр. 184). Значительная часть представителей буржуазной науки усвоила это второе смитовское определение производительного труда. И это вполне понятно, если принять во внимание, что в буржуазной экономике рабочая сила часто не считается самостоятельным товаром. Следовательно, и общественный труд, затраченный на производство этого товара, исключается из области производства. Некоторые буржуазные экономисты и статистики, как известно, даже транспорт относят не к производству, а к обращению.

Тем не менее, тов. Вайсберг очень далеко стоит от буржуазных экономистов, он просто подошел к столь серьезной проблеме с легким, игривым пером, пером фельетониста, недостаточно глубоко изучив ее, отчего местами получились ляпсусы, которые вообще были бы нежелательны на страницах серьезного экономического журнала.
